

 НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Алексей ВЯЗОВСКИЙ

Я СПАС СССР
ТОМ I

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В99

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *И. Горбачика*

Вязовский, Алексей Викторович.

В99 Я спас СССР. Том I / Алексей Вязовский. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-109951-0

Второй шанс пожилого учителя истории. Его Родину уничтожили, его народ вымирает. Пути назад нет, надо спасать страну.

Волей случая герой оказывается в 1964 году. Самый конец хрущёвской эпохи. Это именно та точка, где были сделаны первые шаги к развалу Союза. Но хватит ли герою сил и находчивости, чтобы это изменить?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вязовский А., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109951-0

Глава 1

*Я жил как все другие люди,
а если в чем-то слишком лично,
то пусть Господь не обесудит
и даст попробовать вторично.*

И. Губерман

«...Таким образом, за десять лет своего правления Хрущев так и не смог преодолеть стереотипы социалистического развития и провести реформы государства и общества. Культ личности был уничтожен, но волюнтаризм и метания первого секретаря ЦК КПСС в экономике, внешней и внутренней политике сделали неизбежным его смещение и появление брежневского застоя. Что, в свою очередь, предопределило развал СССР в 1991 году».

Я захлопнул тетрадь, снял очки и раздраженно посмотрел на аудиторию. Школьники скучали. Двадцать шесть подростков девятого «А» класса 113-й средней школы города Москвы зевали, смотрели в окно и поглядывали на часы. До конца урока истории оставалось пятнадцать минут.

— Савченко! — Я сделал морду кирпичом. — Убери телефон! Или мне отобрать его?

— Трофим Денисыч, ну я это... про Хруща читал, — высокий прыщавый парень шестнадцати лет лениво убрал гаджет в карман. Класс выжидательно смотрел на меня. Савченко не первый раз бросал мне вызов на уроке.

— И что же ты прочитал? — Я тяжело вздохнул. До конца занятия мне нужно было опросить нескольких

учеников, и вступать в пикировку с парнем времени не было.

— Хотел загуглить словечко новое, — Савченко дерзко улыбнулся. — Волонтаризм Хрущева. Зачетно звучит.

— Мы это уже разбирали на прошлом уроке.

— А я на нем не был.

— Печально, — я снова надел очки обратно, сел за учительский стол. — Волонтаризм — это командный метод, принятие произвольных решений вопреки объективным условиям и обстоятельствам. Проще говоря, глупые единоличные решения в управлении страной.

Несколько человек записали слово в тетради. Повторно. Остальные явно томились на уроке. Май выдался жарким, за окном цвела сирень. Мысленно ученики были на улице. Сейчас прозвенит звонок на длинную перемену. Часть парней вместо обеда возьмут футбольный мяч у физрука и побегут на спортивную площадку играть. Девчонки сядут на скамейки. Будут поглядывать на пацанов и болтать о своем, о женском. Да... акселерация идет стремительными темпами. Подросткам по пятнадцать–шестнадцать лет, но некоторые выглядят уже на все двадцать. Косметика, одежда, прически...

— А сейчас опрос, — мой палец поехал вниз по таблице фамилий классного журнала. Школьники тут же опустили глаза. Прямо читаю у них на лбу: «Лишь бы не меня!» Только двое отличников смотрят прямо и... Савченко. Этот двоек не боится, отец — местный депутат. Тянут хулигана всей школой.

— Предтеченская!

К доске, покачивая бедрами, вышла главная красавица класса Анастасия. Девушка уже вполне оформилась и носила яркие открытые платья. Вся мужская половина девятого «А» скосила глаза на ее вырез. За-

тем взгляды скользнули ниже, к коленкам. Настя кокетливо поправила блондинистый локон, вопросительно взглянула на меня голубыми глазами.

— Перечисли основные реформы Никиты Хрущева в социальной и экономической сфере.

— А с какого периода? — Красавица наморщила лобик.

— С момента прихода к власти, — я строго посмотрел на первую парту, где два лоботряса пытались шепотом подсказывать. — Какой это, кстати, год?

— Пятьдесят третий?

— Ты меня спрашиваешь?

— Пятьдесят третий!

— Продолжай.

— Ну... развенчал культ личности Сталина.

— Я просил в социальной и экономической области. Политику не трогаем.

Ее только тронь! Мигом продвинутые детки, а точнее, их родители, напишут жалобы. Причем, как ни подай материал, — останутся недовольные. Скажешь, что Сталин был тираном и уничтожал собственный народ? Получи жалобу — потакаешь либеральным взглядам и очернешь имя главы Советского государства. Скажешь что-то положительное про победу в войне, индустриализацию? Либеральные родители тут же в социальных сетях поднимут вой, кляня учителей, что обеляют имя тирана. И тоже посыплется жалобы. Разница только в том, что первые пишут от руки и директору, вторые — через портал Госуслуг и сразу в районный Департамент народного образования. Раньше он назывался РОНО.

— Хрущев повысил зарплаты, сократил рабочий день, — Настя наконец расслышала подсказки и принялась перечислять, — начал массовое жилищное

строительство, провел школьную реформу. Распахал целину и создал совнархозы.

М-да... Сам поехал в Казахстан и распахал.

— Ах да, стал платить зарплаты колхозникам.

— А как же эти лохи до этого работали? — громко удивился Савченко.

— Следи за языком! — я стукнул ладонью по столу. Но отвечать на вопрос не стал. Посмотрим, как справятся.

Предтеченская замолчала. Стрельнула глазками на первую парту, но я показал обоим лоботрясам кулак. Класс с интересом начал разглядывать мнущуюся ученицу. Никто не поднимал руку, и Савченко победно смотрел поверх голов. Всех уел. Вон даже учитель молчит.

— Ну как в ГУЛАГе работали, — промямлила Настя.

— За пайку, — выкрикнул кто-то с заднего ряда.

— Я же сказал — лохи! — Савченко торжествовал.

Ученики засмеялись.

— Вышел вон из класса! — Я встал. Сердце предательски кольнуло. Все-таки шестьдесят пять уже. Пора, пора на покой. Но разве проживешь на нашу нищенскую пенсию? Да и все-таки заслуженный учитель России, почетная медаль Ушинского. Всю жизнь посвятил школе.

— Не имеете права! — Парень тоже встал, заелозил взглядом. Лицо покраснело, пошло пятнами. Класс осуждающе молчал.

— Права ты свои знаешь. А как насчет обязанностей?

Мы померились взглядами. Савченко опустил глаза, выдавил из себя «извините».

— Сядь и запомни. Колхозники работали за трудодни. Была такая единица учета в СССР. И мы ее

даже проходили. Если бы ты ходил на уроки, то знал бы!

Прозвенел звонок. Предтеченская облегченно вздохнула, заулыбалась.

— Звонок для учителя! — Я остановил поступательный порыв школьников к двери класса. — Сейчас я объявлю оценки за урок и дам домашнее задание...

* * *

В учительской было шумно. Наши дамы обсуждали финал «Игры Престолов». Все сходились во мнении, что концовка сценаристами была слита. Стоило только мне зайти, как я попал как кур во щи:

— Трофим Денисович, а вы что думаете о последней серии? — Массивная химичка в очках с тонкой оправой требовательно на меня посмотрела. Я тяжело вздохнул, отступить было некуда. Учительницы замолчали и начали дружно сверлить меня взглядами. Я да физрук — вот и все мужчины в школе. К нашему мнению прислушиваются, его ждут.

— Не смотрел и не собираюсь.

— Почему?

— Не увлекаюсь социальным эскапизмом.

— По-вашему, любое фэнтези — бегство от реальности? — В атаку пошла пожилая математичка. — Толкиен тоже?

— Это же классика! — А вот и молоденькая преподавательница русского и литературы подключилась. — Толкиена скоро в школьную программу включат. В обязательную часть.

— Ну, это вы, милочка, хватанули, — химичка не согласилась с русичкой. В учительской засмеялись. —

У нас, слава богу, есть кого включить из отечественной классики.

— Не включают, — я коротко согласился с коллегой, пытаясь налить воды из кулера в стакан. Кулер булькал, но воду не отдавал.

— Давайте, я помогу, — молоденькая учительница, покраснев, схватила мой стакан. — Тут вот так, по особому, нажать надо. А почему не включают?

— Мордор, по-вашему, что? Ну вот это сосредоточение зла Средиземья?

— Что?

— Это, красавица моя, — я забрал у покрасневшей русички стакан, — Советский Союз. А Саурон — это Сталин.

Новость поразила коллектив.

— Seriously? — химичка нахмурилась.

— Географии Средиземья примерно соответствует Европе. На востоке, где Мордор, у нас что? СССР.

— А светлые духи, валары, на Западе тогда...

— Совершенно верно, заокеанские друзья англичан — США. А теперь позвольте откланяться. Мне нужно освежиться.

Я допил воду, поставил стакан в специальный шкафчик.

— Трофим Денисович, а как же «Игра Престолов»? — дружный вопрос застал меня в дверях.

— Я сериал не смотрел и не собираюсь. Но если вас интересует мое мнение...

— Интересно!

— Финал слили специально. Чтобы хорошо раскупали последнюю книгу Мартина. Ведь он тоже пишет заключительную часть. Вот ее-то и будут читать. Бизнес, и ничего личного.

Я вышел в коридор и прошел в туалет. Встал возле умывальника, посмотрел в зеркало. На меня глядело морщинистое лицо старика с большой проплешиной на голове. Усталые глаза, седые волосы... Я стал умываться. Пока фыркал под водой, в туалете раздался шум, девичий крик. В распахнутую дверь заходила компания парней. Впереди шел Савченко, тащивший за руку визжащую девушку. Это была Предтеченская.

— ...Говорил тебе — не крутить хвостом! Ведь говорил, сучка?! — Позади Савченко шли несколько чернявых парней не из нашей школы.

— А ну отпусти ее! — Я вышел из закутка с умывальниками и схватил хулигана за руку. Дернул его прочь от девушки, впрочем, не особо успешно. Амбал был на голову меня выше.

— Пацаны, тут Денисыч! — Савченко толкнул Предтеченскую, начал вырывать руку. К нему на помощь пришли дружки. Один ударил меня вскользь по лицу, а другой, с расширенными зрачками, не размышляя, выхватил из кармана нож и ткнул им меня в грудь. Раздался еще один громкий крик девушки. На чернявого брызнула красная кровь. Я почувствовал резкую боль в районе сердца.

— Бежим, пацаны! — Савченко толкнул меня, и я упал на холодный кафель туалета. Кровь продолжала хлестать, разливаясь огромной лужей. Сначала я почувствовал холод в руках и ногах, потом стало меркнуть сознание. Глаза закрылись, и накатила тьма.

Боже, как глупо... Неужели это все?

Внезапно чернота отступила. Моя душа рванулась вверх, отделилась от лежащего на полу тела и воспарила над Землей. Я поднимался все выше и выше. Сначала Земля превратилась в маленькую голубую горошин-

ку, а потом вообще в точку. Еще мгновение, и родная планета затерялась среди бесчисленных сверкающих звезд. Сначала я не очень испугался, но чем быстрее космос засасывал мою душу, тем страшнее становилось. Ужас вползал в меня постепенно. Вокруг меня был только черный вакуум. Полет прервался, и я завис в мертвящей пустоте. «...И была земля безвидна и пуста, и тьма над бездною...» — всплыли в памяти строчки из Библии. Вот такое оно, посмертие?

Спустя вечность вокруг меня то тут, то там стали появляться и исчезать искры. Ежесекундно рождались и умирали тысячи, сотни тысяч, нет, миллионы оранжевых огоньков. Я присмотрелся и поразился — вакуум кипел! И я кипел вместе с ним. Мое движение возобновилось, но это уже не полет вверх, а падение вниз. Глупо, конечно, про Космос говорить в терминах верх и низ, но именно так я и ощущал весь процесс. Я мчался как комета, как болид, все ускоряясь и ускоряясь. Позади меня сформировался хвост из искр. Я набрал такую скорость, что звезды смазались в светящиеся полосы, сформировав вокруг меня туннель. Туннель мерцал и пульсировал. А вот и свет в конце виден. Судя по всему, мое путешествие заканчивается.

Свет становился все ярче, а потом и вовсе стал ослепительным. Словно из пушки, я вылетел из туннеля и увидел ...Бога! Как я узнал, что это Бог? В его глазах была вечность, телом стал Млечный Путь, а голосом — звук рождения галактик. Моя душа рванулась к Творцу, но что-то мешало.

Я хотел слиться с Абсолютом, раствориться в нем. И не мог. Внутри постепенно рождалось Слово. Оно набухало, разрасталось. У Слова была музыка. Своя, божественная. Я весь дрожал в такт ей. И я ее понимал! Я просил о втором шансе, и мне его дали. А еще я по-

лучил особый Дар. Вселенная толкнула меня, и душа, ускораясь, полетела обратно в туннель. Звезды опять смазались, завертелись в хороводе. Я закричал от восторга! Спасибо, Господи.

* * *

— ...В светлое коммунистическое будущее. Под руководством «первого ленинца» и «великого борца за мир» Никиты Сергеевича Хрущева!

Аплодисменты.

— Русин, проснись! — кто-то ткнул меня под ребра, и я открыл глаза. Свет ударил по зрачкам, я глубоко вздохнул. И чуть не застонал от наслаждения. Спасибо, Господи! Я жив! Ничего не хрустит, не болит. Дышится легко, тело полно энергии. А какие краски вокруг! Запахи... Мне захотелось подскочить, закричать во весь голос.

— Леха, да что с тобой??

Я обернулся вправо и увидел рядом мелкого черноглазого брюнета в очках. Одет он был в темный костюм с галстуком, на отвороте пламенел комсомольский значок. Глянул влево. Там сидел другой парень. Массивный, в белой рубашке с большим отворотом. Рукава бугрились мускулами, лицо было простое, крестьянское. Нос картошкой, румянец во всю щеку. А находимся мы... в одной из лекционных аудиторий МГУ. Я учился в такой на историческом факультете. Ряды идут уступом вниз, в центре — кафедра, за которой размахивает рукой какой-то седой старик. Позади мужчины на стене три портрета основоположников. Две бороды окладистые, одна клинышком.

— ...Победы Коммунистической партии — СССР — это и есть марксизм-ленинизм в действии...» — Лек-

тор срывает очередные аплодисменты. Аудитория битком набита студентами и студентками. Свободных мест нет. Мое внимание невольно привлекают девушки. Они какие-то... не такие. Все в платьях. Ни одной в брючном костюме. Туфли-лодочки, юбки-колокольчики в крупный горошек... Ретро.

— Русин, ты как? — чернявый парень справа озабоченно смотрит на меня. — На тебе лица нет.

Я же разглядываю свои руки. Они совсем не мои. Массивные, с рабочими мозолями. Левый товарищ наклоняется ко мне, шепчет:

— Леха, давай мы Сыча попросим тебя вывести в медпункт.

Сыч, судя по всему, — это лектор. Сычев?

— Не надо. Я нормально.

Голос тоже не мой, бас с хрипотцой. На нас оборачиваются, лектор кидает на меня раздраженный взгляд.

— Нормально? — брюнет шипит на ухо. — Да ты головой о парту ударился!

Я трогаю лоб. Действительно шишка.

— Переучился наш Леха! — хмыкает левый сосед.

Я откидываю голову, закрываю глаза. В голове сумбур. Ясно одно. Я — это не я. В том смысле, что тело не мое. А чье? И тут на меня обрушивается водопад информации. Вон он, божественный ДАР! Я помню все. Всю свою жизнь. По дням, по минутам. И всю жизнь Алексея Русина. В чье тело меня отправили. Сирота, воспитывался в детском доме, служил в пограничных войсках. Благодаря протекции сослуживца погибшего на войне отца — поступил в МГУ. Почему-то на журналистику. Ах да. Я вглядываюсь в прошлое парня и вижу, что в части он увлекся написанием заметок в армейскую газету. Некоторые очерки после правок цензора даже опубликовали. Эти вырезки теперь хранятся

в специальной папке, которую пришлось показывать приемной комиссии.

Русин, как отслуживший, и без протекции мог сдать вступительные экзамены. Но фронтовой друг отца настоял. Позвонил ректору. Судя по первому впечатлению, Русин парень умный и волевой. Комсомолец. Служил исправно, даже имеет медаль «За отличие в охране государственной границы». Участвовал в задержании нарушителя. Со стрельбой! Вот это да... Я разглядываю этот эпизод в памяти парня и чувствую, как начинает кружиться и гудеть голова. А где же сам Алексей? Его личности я не чувствую.

— Товарищ Сычев! — Мой массивный левый сосед поднимает руку, после чего встает.

— Что тебе, Кузнецов? — в голосе лектора слышится уже неподдельное раздражение.

— Русину плохо. У него вон кровь из носа идет.

Я открываю глаза и вижу красные лужицы на парте. На меня все оборачиваются. Большинство студентов смотрят сочувственно.

— Хорошо, отведите его в медпункт, — преподаватель машет рукой в сторону выхода. Оба моих соседа подхватывают меня под руки, сводят вниз. Прислоняют к стене в коридоре. Кузнецов бежит обратно и приносит черный портфель. В нем, судя по всему, мои учебники и конспекты.

Второй товарищ тем временем достает платок из кармана, прижимает к носу. Я благодарно хлопаю его по плечу и откидываю голову назад. Похоже, подробный просмотр памяти — это не такое уж безопасное дело. Плата за знания берется кровью.

Меня обнимают с двух сторон, и мы бредем по коридору к знаменитым университетским лифтам. Известны они своей скоростью и капризностью. Не дай